

Фильм «Контровый свет» снимали в старинном городке, далеком от городской суеты и пропитанном духом ушедших времен. Мощеные камнем дорожки, стены из потертого кирпича — казалось, сам воздух здесь был напоен ароматом прошлого.

Цзы Юй, волоча за собой небольшой чемодан, остановился у входа на съемочную площадку. Глядя на снующую толпу и возвышающиеся конструкции с оборудованием, он почувствовал, как ладони слегка вспотели.

Это была его первая настоящая роль в кино! Персонаж по имени Чи Юй значил для него немало, а гонорар и вовсе решал насущные проблемы, позволяя на несколько месяцев забыть о давлении долгов. Огромное волнение боролось с еще более сильной тревогой. Он глубоко вздохнул, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

— Цзы Юй? Тебе сюда! — окликнул его рабочий сцены в жилетке с рацией в руках, заметив парня.

Цзы Юй поспешно отозвался и зашагал следом, хотя взгляд его невольно блуждал по толпе. Вскоре он заметил у режиссерского монитора знакомую фигуру — Сюй Нина.

Тот был одет в простую черную хлопковую футболку и темные рабочие брюки. Сюй Нин о чем-то тихо беседовал с режиссером, держась расслабленно, но излучая при этом спокойную уверенность. Словно почувствовав на себе взгляд, он слегка повернул голову, и его глаза, прорезав толпу, точно встретились с глазами Цзы Юя.

Взгляд у Сюй Нина был спокойным и безмятежным, без единой ряби. Они обменялись лишь коротким мгновением. У Цзы Юя сжалось сердце, он машинально выпрямил спину и слегка кивнул в сторону Сюй Нина. Тот едва заметно ответил кивком и, как ни в чем не бывало, повернулся обратно к собеседнику.

Этот мимолетный взгляд, словно маленький камешек, брошенный в озеро, вызвал круги на воде в душе Цзы Юя, но тут же все снова стихло.

Ни слов, ни нарочитого внимания, но эта встреча необъяснимым образом развеяла его растерянность новичка. Он взял себя в руки и пошел за рабочим к своему временному жилью — опрятной, но довольно тесной комнатке.

Стоило ему поставить чемодан, как телефон завибрировал. На экране высветилось имя Сюй Нина.

— Добрался? Устроился? — раздался в трубке низкий, мягкий голос. На фоне слышался приглушенный шум съемочной площадки.

— Да, только что зашел в номер, учитель Сюй Нин, — Цзы Юй сжимал телефон, голос его

слегка дрожал от едва уловимого волнения.

— Хорошо. В три часа дня, первый павильон, читка сценария. Не опаздывай, — тон Сюй Нина был по-деловому краток, без лишних эмоций, но в нем чувствовалась надежность, приносящая покой. — На площадке много людей и суеты, если что-то будет непонятно — обращайся сразу к Юй Яну или к рабочему, старому Чжану.

— Хорошо, спасибо, учитель Сюй Нин! — поспешно ответил Цзы Юй. На том конце уже повесили трубку, остались лишь гудки. Он смотрел на телефон, и то чувство неуверенности, с которым он приехал, сменилось ощущением твердой почвы под ногами — все благодаря этому короткому, но такому своевременному навигатору.

Забота Сюй Нина всегда была такой: тихой, незаметной, но неизменно к месту.

В первом павильоне собралась вся съемочная группа. Цзы Юй сел на краю, стараясь не привлекать к себе внимания, но сердце колотилось, когда режиссер начал представлять участников. Он чувствовал, как на него направлены разные взгляды: любопытные, оценивающие, а то и вовсе равнодушные.

Когда дошла очередь до Сюй Нина, он начал излагать свое видение главного героя, Тянь Юаня. Говорил негромко, но логично и четко, каждое слово било точно в цель, мгновенно погружая всех в психологический мир персонажа. Цзы Юй слушал, затаив дыхание, еще глубже осознавая профессионализм и внутреннюю силу Сюй Нина, а вместе с тем — и пропасть, лежащую между ними.

Когда зашла речь о роли Чи Юя, режиссер посмотрел на Цзы Юя:

— Цзы Юй, расскажи, как ты понимаешь своего героя? Особенно его братские отношения с Тянь Юанем.

Все взгляды мгновенно скрестились на нем. В горле пересохло, ладони вспотели. Он глубоко вздохнул, пытаясь вспомнить то чувство зависимости и страха, которое Сюй Нин помог ему вытянуть из глубины души еще на пробах. Соединив это с тем, что он успел прочитать в сценарии за последние дни, он начал запинаясь излагать свои мысли.

Получалось не очень складно, кое-где он не мог подобрать нужных слов, но его искреннее стремление ухватить суть персонажа было очевидным.

Пока он говорил, Сюй Нин молча слушал, задумчиво постукивая пальцами по столу. Он не перебивал и не вступал в разговор.

Лишь когда Цзы Юй, заметно нервничая, замолчал, Сюй Нин поднял глаза и спокойно произнес, обращаясь к режиссеру:

— Он мыслит в верном направлении. Для Чи Юя Тянь Юань — как спасательный круг для утопающего, а его обида рождается из страха быть брошенным. Если ухвачено это ключевое чувство, детали можно отшлифовать со временем.

Никаких громких похвал, даже не прямое обращение к Цзы Юю, просто констатация факта. Но эти фразы: верное направление и ухваченное ключевое чувство — для встревоженного Цзы Юя прозвучали как небесная музыка!

Он украдкой выдохнул, чувствуя, как холодный пот на спине начал высыхать. Набравшись смелости, он посмотрел на Сюй Нина и встретился с его взглядом. Тот по-прежнему оставался спокойным, но Цзы Юю показалось, что он уловил в нем крошечный, мимолетный отблеск одобрения.

Сюй Нин быстро отвел глаза и перешел к следующему пункту обсуждения. Но это молчаливое одобрение стало для Цзы Юя лучиком света, озарившим уголок его души, полный тревоги.

После начала съемок Цзы Юй по-настоящему ощутил ритм и давление кинопроизводства. Перед камерой он был тяжелобольным, чувствительным и хрупким Чи Юем; за камерой — новичком, который боялся совершить ошибку и находился в постоянном напряжении.

Снимали сцену, где Чи Юй в одиночестве сидит в полутемной комнате и смотрит в окно. Цзы Юю нужно было передать внутреннее одиночество героя и его растерянность перед жизнью. Он изо всех сил пытался настроиться, но после нескольких дублей режиссер все равно считал, что не хватает глубины и тонкости.

— Взгляд пустой, Цзы Юй! Чи Юй не просто смотрит в окно, у него внутри есть мысли, есть жажда жизни и есть страх! — кричал в рупор режиссер, не скрывая раздражения.

Цзы Юй стоял под светом софитов, слова режиссера жгли лицо, ему было невыносимо стыдно. Он попытался еще сильнее изобразить сложность характера, но от этого стал выглядеть лишь скованным и неестественным.

— Десять минут перерыва, приди в себя! — махнул рукой режиссер.

Цзы Юй подавленно отошел в уголок, молча глядя в сценарий, пытаясь вернуть нужное состояние, но в голове была лишь каша. Вдруг он почувствовал на себе взгляд. Подняв голову, он увидел Сюй Нина, который подошел к нему с двумя бутылками воды в руках.

— Возьми, — Сюй Нин протянул ему одну бутылку, а сам открыл вторую и сделал глоток. Его взгляд был устремлен на старую софору за окном, а голос звучал так буднично, словно они просто болтали. — Видишь это дерево? Ветви искривлены, всё в шрамах, но каждую весну оно пускает новые листья, которые зеленее, чем у других.

Цзы Юй проследил за его взглядом: старое, выдержавшее немало бурь дерево выглядело измученным, но в его очертаниях чувствовалась упорная жажда жизни.

— Чи Юй смотрит на мир за окном не из зависти к чужому здоровью, — негромко продолжал Сюй Нин. — Он в этой обычной жизненной силе видит отражение своего увядания. Он жаждет жизни, но боится еще сильнее — боится, что у него не останется даже шанса побороться, как этому дереву.

Он не давал прямых советов по актерской игре, просто описал состояние, задал угол обзора. Цзы Юй завороченно смотрел на дерево, потом перевел взгляд на имя Чи Юя в сценарии. Слова Сюй Нина стали ключом, который с тихим щелчком открыл запертые двери в его сознании.

Отчаяние человека, запертого болезнью и бессильного перед уходящей жизнью, и его собственное удушливое чувство зависимости от долгов, отчаянная борьба за выживание — в какой-то тайной глубине эти чувства отозвались друг в друге.

Съемку возобновили. Цзы Юй больше не пытался играть сложность. Он просто тихо сидел у окна, глядя вдаль. И в этот раз его взгляд не был пустым — в нем плескалась тихая скорбь, слабая тоска по жизни снаружи и глубоко спрятанный страх перед собственной судьбой. Камера запечатлела, как слегка дрожат его пальцы и как в глазах блестит влага.

— Снято! Этот дубль принят! — удовлетворенно произнес режиссер.

Цзы Юй выдохнул и машинально посмотрел на Сюй Нина. Тот что-то обсуждал с оператором, казалось, не обращая внимания на происходящее, но в момент, когда Цзы Юй посмотрел на него, Сюй Нин словно невзначай повернул голову и едва заметно кивнул.

Снова это случилось. Никаких лишних слов, никаких нарочитых сближений. Бутылка воды, разговор о дереве, едва уловимый кивок. Забота Сюй Нина была как весенний дождь — бесшумно питала землю и всегда проливалась на иссохшую почву души именно тогда, когда это было нужнее всего.

Ночи на съемочной базе были холодными. Снимали ночную сцену: состояние Чи Юя ухудшается, и его в холодную дождливую ночь экстренно везут в больницу. Для пущей реалистичности использовали искусственный дождь.

Ледяная вода лилась на голову, Цзы Юй лежал на холодных носилках в тонкой больничной пижаме, и его тело непроизвольно дрожало. Пронизывающий холод пробирался до костей. После нескольких дублей губы у него стали синими, а зубы начали стучать.

— Снято! Грумерам поправить макияж! Реквизиторам поправить носилки! — скомандовал режиссер.

Цзы Юя помогли сесть, кто-то из персонала тут же накинул на него большое полотенце. Он закутался, съежившись в углу, но его все еще трясло от холода, лицо было бледным.

Мокрые волосы прилипли ко лбу, делая его еще более хрупким. Он пытался растереть руки, чтобы согреться, но толку было мало.

В этот момент на его плечи опустилось что-то тяжелое и теплое — пуховик глубокого серого цвета, сохранивший тепло человеческого тела. Холод мгновенно отступил.

Цзы Юй удивленно поднял голову и увидел лишь высокую удаляющуюся фигуру — Сюй Нин шел к режиссеру. На нем остался только тонкий джемпер того же оттенка.

От пуховика исходило тепло Сюй Нина и легкий, чистый древесный аромат. Это было словно теплая преграда, вмиг окутавшая Цзы Юя.

Тепло проникало сквозь озябшую кожу вглубь тела, разгоняя холод и успокаивая напряженные от усталости нервы.

Он машинально закутался в слишком большой для него пуховик, пряча половину лица в мягком теплом воротнике. Вдыхая этот успокаивающий запах, он почувствовал, как что-то внутри него словно вздрогнуло, и по душе разошлись невидимые, но отчетливые круги.

Он украдкой посмотрел в сторону Сюй Нина. Тот обсуждал детали съемки с режиссером, сосредоточенный и серьезный, будто этот жест был лишь мимолетным делом, не стоящим внимания.

Никто не заметил этой маленькой сцены. Только Цзы Юй знал: этот пуховик, сохранивший чужое тепло, стал для него крошечным огоньком, который не только согрел тело, но и зажег в сердце невыразимый трепет. Такая ненавязчивая забота была в самое сердце сильнее любых слов.

Под опекой Сюй Нина — вездесущей, но такой уместной и необременительной — дела Цзы Юя на площадке пошли гораздо лучше, чем он ожидал.

Он постепенно расслабился, перестал быть похожим на испуганную птицу и начал наблюдать, учиться. Он смотрел, как Сюй Нин входит в роль за секунду, как точно передает эмоции; он перенимал опыт других актеров и старался усвоить требования режиссера.

Сюй Нин всегда держал нужную дистанцию. Он мог одной-двумя фразами направить Цзы Юя, когда тот терялся; мог подать бутылку воды или одарить спокойным взглядом, когда Цзы Юя критиковал режиссер; мог «случайно» передать лишнюю куртку, когда на площадке холодало.

Он никогда не выказывал особого расположения на публике и ни разу не упоминал ни магазин

модной одежды, ни детали проб, будто ничего этого и не было.

Такое уважение и чувство меры дарили Цзы Юю покой. Он больше не пытался угадать мотивы Сюй Нина, а просто бережно хранил эту заботу в сердце, превращая ее в стимул для работы. Он понимал: Сюй Нин — это свет, это проводник, но путь под ногами он должен пройти сам, шаг за шагом.

После окончания съемочного дня персонал один за другим покидал площадку, и лишь Цзы Юй оставался в уголке. Перед ним стояло зеркало, и он снова и снова отрабатывал важную эмоциональную сцену, запланированную на завтра.

Он вдумчиво разбирал каждую реплику, тихо повторял их, пробуя разные интонации, скорость речи и мимику. Он то хмурился, то улыбался, то грустил, то злился, полностью погружаясь в мир своего персонажа, забывая обо всем вокруг.

Лунный свет проникал сквозь высокое окно, мягко, словно серебряная вуаль, ложась на Цзы Юя. Его сосредоточенный профиль в лучах луны казался особенно четким, словно окаймленным мягким сиянием. Этот свет не только делал его черты выразительнее, но и придавал ему загадочный, притягательный вид.

Он не заметил, что в тени реквизиторской неподвижно стоит Сюй Нин, не желая мешать. Он смотрел на сосредоточенную фигуру молодого человека в лунном свете, на то, как тот хмурится и шепчет слова, и в глазах Сюй Нина, обычно спокойных, вспыхнул мягкий, полный надежды огонек.

Через мгновение Сюй Нин беззвучно развернулся и ушел, оставляя пространство для тишины и усердия Цзы Юя.

Цзы Юй поднял голову, словно что-то почувствовав, и посмотрел в сторону реквизиторской, но там уже никого не было. Лишь холодный лунный свет тихо лежал на полу.

Он отвел взгляд, глубоко вдохнул и, глядя в зеркало, снова погрузился в репетицию. Он знал: он должен стараться изо всех сил, чтобы не подвести этот незримый свет и чтобы пройти свой путь — пусть трудный, но наконец-то подаривший надежду.

<http://bllate.org/book/19183/1883252>